

SUMMARY

The East-Austrian Burgenland only developed in 1921 from the peace treaties after World War I from the parts of three West-Hungarian counties. There live two linguistic minorities besides the German-speaking majority, namely the Croatian and the Hungarian. In this book we are concerned with a group from Hungaria, with the Hungarian-speaking rural villagers. The expression “a group” is especially emphasized because the Hungarians from the “Burgenland” are composed from two social strata: on the one hand the above mentioned rural community, and on the other hand those estate workers living on the large landed properties. The characteristic mental traditional culture of the estate workers differs from that of the peasants. Concerning this the book “Wer erbt das Jankerl? Über die Kommunikationskultur der Gutshofknechte im Burgenland.” written in the Hungarian and the German language was presented in Szombathely in 1985.

In this book the Hungarian peasant farmers living in a self-contained village settlement are dealt with. They originate from those farmer nobles who had been settled as frontier guards by the Arpad kings. When in the middle of the 19th century their noble rights became insignificant, they sank down into the peasant form of life. After 1960 most of them became commuters – first of all the men. The Hungarian speaking peasants live in Pinkatal, in the villages of Oberwart, Unterwart, Siget in the Wart as well as north of this area in Ober- and Mitterpuldorf. The number of Hungarian-speaking peasants is estimated on about 5000, the number of Hungarian-speaking inhabitants was about 10 000.

Because of their possession conditions the inhabitants of the Hungaria speaking peasant villages came more and more into a kind of compulsory conservatism since the middle of the 19th century, which also displays clearly in their traditional culture. Their economic situation – the incredibly dismembered small landed properties and the thus risen poverty – made a technical renewal of their agriculture impossible. Especially in the villages in Pinkatal the Hungarian language survived in the form of a Hungarian language renewal. The mental culture, too, was only passed on by word of mouth.

Between 1961 and 1965, that is to say for four years, I conducted a detailed ethnographic research work in these communities without interruption. I applied the monographic method with my researches, that is I did not study single indications or indication groups, but the totality of the culture. Running parallel with it the traditional culture of the Hungarian and Croatian-speaking people living within this small region was recorded. Already at that time I was convinced that the traditional culture of the particular language groups can only be recorded in comparison, as members of different linguistic groups live in one village. The linguistic nationalism is unknown in these villages. Here homogeneous small-regional cultures developed, independent from the mother language, and

they are only divided from each other by those research workers who study one linguistic group in itself. With this way of approach I intentionally wanted to avoid the mistakes of “linguistic-island research”. The holistic monographic method made it possible for me to find out the mutual dependence of indication groups. Simultaneously I proved with this study of other linguistic groups that the historic living together involves a mutual cultural exchange showing striking similarities. The one-sided emphasis of language as culture-determinating would therefore be a great mistake. Within this small region the same regional culture is expressed in differing mother languages. Certainly there are little differences according to the village, but this is also true for communities with the same language. The differences are not connected with a so-called national heritage, but with innovative personalities (generally parsons, teachers), who are active in the villages.

As nobody conducted well-grounded investigations relating to folklore in this region before I did, my results are primary material, illustrated with about 12 000 photos (mostly colour slides as well as black and white negatives), the 12 000 hours of magnetic tape records and my notes. With this material I already published several connected manifestation groups in earlier years. Among others in 1965: “Angaben zu den abergläubischen Erzählungen aus dem südlichen Burgenland”. The material for this volume was supplied through my research work in two Hungarian-speaking, two German-speaking and two Croatian-speaking villages. After the translation of the material the assignment to one linguistic group was no longer possible. In 1966 the book “Spinnstubenlieder” was published in which I studied the structure of communication of the old women having withdrawn from everyday life. In my book published in 1969 by the Austrian Academy of Sciences “Zum bäuerlichen Gerätebestand im 19. und 20. Jahrhundert” I studied the agrarian tool stock of the three linguistic groups. Even within a large region (between Graz and Plattensee) so proved the results – differences did not come from the mother language, but were dependent upon soil conditions and cultivated plants.

In the present volume I summarized the narrative culture of the inhabitants of Hungarian-speaking peasant villages. With this expression narrative culture I do not only understand the stories told, but also the narrator belonging absolutely to it, the way of telling, and the relations arising between the narrator and his listeners. Thereby those personalities are important for me who are accepted as narrators by their community. In the sphere of culture – in belief, folklore, story-telling – as well as at work I found specific social and mental sections in every village community.

It would be a mistake to believe that telling tales was common practice in a village. Thus it is no mere accident that during my research work of several years in the Hungarian villages solely the men told tales in their narrative communities. The listeners as well as the narrators always belonged to the lowest social strata (retired workers and small-tradesmen) or to those old people who no longer took part in the village life actively. This is also true for those who had a large repertory or narrative competence. Because of the unwritten laws of these villages no peasant was allowed to tell tales, this would have been a shame (“he

who is a peasant has always work to do, has no time to tell stories, no time to tell lies” I was often told). In these villages women often did not tell tales when in company with adults. They only told their grandchildren and only short stories. Only in one village I found a female story-teller, but there men did not tell stories. This village is the Croatian Stinatz (see: Gerhard Neweklowsky and Károly Gaál: “Totenkloge und Erzählkultur in Stinatz”). Only in three cases I found men who were pronounced story-tellers, they all were retired itinerant workers: Johann Ribarics in Mitterpullendorf, who in 56 units told 76 tales to his permanent listeners who exclusively belonged to his social class; Georg Felber from Unterwart, story-teller at the workshop places, found no audience when returning to his native village, forgot to tell stories and only remembered fragments; Samuel Pathy travelled through the countries of the former monarchy as itinerant worker. In his native village, Sieget in der Wart, story-telling was not known. He told tales to his grandchildren until they preferred TV to the grandfather. A special situation of story-telling developed in the workshops of those village workmen who worked for everyday use. Stories shortened the waiting period. There was for example still a joiner in 1961 who only carried through repairs. He never told longer tales, only merry tales and belief legends. The same situation showed in the water mill, where – as well as to the joiner – only men went to. Dependent on the water level they sometimes had to wait the whole day and a night for their grist. Here a sort of inevitable communication developed.

The majority of tales in the present book descended from men, the belief legends from women. The belief legends consist of two groups. If the believed phenomena are still an active constituent of everyday life, I call them “believed belief”. I found others in a transition stage: the members of the old generation still believed in them, but for their children and grandchildren they were only material of story-telling. Such differences can only be stated through a living together for a longer time. Thereby it is absolutely important to conduct a multi-generation research, that means to interview and watch the members of the generations individually, separate from the others.

The believed belief and the belief legends refer to the peasant working world or the people’s health. Like with the estate workers the believed phenomena are also to be grouped according to the form of life with the peasants: There are those which are connected exclusively with agriculture, others with large cattle, cattle-dealing, cultivation of vegetables, poultry etc. On interpretation it appeared that the phenomena must be adjoined to the sexes according to their belonging to the female or male living sphere. Thus the income from milk, eggs, and from the kitchen-garden belong to the peasant women, and therefore all believed phenomena connected with that only lived with the woman. Believed phenomena referring to health also belonged to the women’s world.

I found essential differences between the religions (mental) worlds of peasant and those of estate communities, although the estates also lie in a peasant landscape and the people working there also earn their living in agriculture. The estate-people had neither landed property nor large cattle. They were paid workmen and their maintenance depended on their physical strength. That meant that they had to stay healthy. They lived in the dairy-farm with their families. Their

wives were allowed to keep small livestock and pigs. The income from it belonged to the woman. With these women we find the believed phenomena belonging to it. The belief-world of the peasants and estate people was arranged in a schedule. I laid great stress on that because the differences in the material of story-telling can be shown, but also the differences according to the sex of the narrator. I here made a distinction between the belief legends and the believed phenomena as well as between the origin of the narrator from estate or village, and the belonging to the belief world of women or men.

With the believed phenomena and the belief legends there were the accepted "experts" as well as with the fairy-tales. Although most villagers knew the believed phenomena, they accepted advice on this matter from special persons only, believing that only in this way they would be effective. Such persons were the village midwife and the local curative women. They had the reputation of witchcraft and lived rather secluded in the village. While they never came to see the villagers, the women of the village came to them with their worries. Mrs. Maria Kalman and Mrs. Roza Csulak from Unterwart were characteristic for that. They knew all believed phenomena of womankind and therefore were the most important advisers for the women. Just so the male advisers were available for the male spheres, they were regarded as sorcerers or as brothers of the devil.

I add the table of contents of the included stories to this summary. The order of the stories proves in which mixture the different types of stories are found. The titles mentioned do not come from the narrators, but from me and mostly refer to the content of the told; in general the narrators did not give their tales a title.

TABLE OF CONTENTS

	G	GS	MH	D	M	F
Lucian chair		+	+	+	+	
Dragon		+	+	+	+	
cloud ruler	+		+	+	+	+
travelling student		+	+	+	+	
seer (= táltos)		+	+		+	+
child born with a tooth	+		+	+		+
new moon child	+			+		+
Sunday-child	+			+		+
devil's ally		+	+	+	+	
devil's sweetheart		+	+	+		+
devil as burning broom	+		+	+	+	+
burning treasure		+		+	+	
street crossing		+	+	+	+	
fireman, will-o'-the-wisp		+		+	+	
Schratt'l-chicken		+		+		+
house adder	+		+	+		+
Blessing	+		+	+		+
Drude	+		+	+		+
Changeling	+		+	+		+
Verschauen (man)	+		+	+		+
coal water	+		+	+		+
dash of water, handing over of illness	+			+		+
refilling water	+			+	+	+
restless soul	+		+	+		+
will-o'-the-wisp as engineer		+		+	+	
witch-book		+	+	+	+	+
witch is born		+	+	+		+
handing over witchcraft	+			+	+	+
witch as frog	+			+	+	+
witch as cat	+			+	+	+
birch-broom against witch	+			+	+	+
Calling the witch (for people)	+		+	+		+
Calling the witch (for animal)	+			+	+	+
hang milk above smoke	+			+		+
consecrated against witch	+			+		+
binding (man)	+		+	+		+
binding (animal)	+			+	+	+
bewitch cow (gets ill)	+			+	+	
milk away the milk	+			+		+
Prohibition in the evening	+			+		+
Prohibition in the for eggs	+			+		+
witch-wedding		+	+	+	+	+
oxen on the tree		+		+	+	
witch fritter		+	+	+	+	+

	G	GS	MH	D	M	F
saddled fellow		+	+	+	+	
whirlwind		+		+		+
dog at night		+		+		+
cat at night	+			+	+	+
horse at night		+		+		+
horse without jaw		+	+		+	
mill at night		+		+	+	
nightly washing		+		+		+
fire speaks		+		+		+
witch as object	+		+	+		+

G = belief

GS = believed legend

MH = dairy inhabitant

D = villager

M = men

F = woman

In a separate chapter I present statements on the death of a woman who was regarded as a witch. Here it is important for us that in conflicts between individuals and the village community the individual always was the loser. The interpretation of those stories whose actors do not belong to the village community, but lived in the village, is given in a separate chapter. Those were the parson, the teacher, the little Jewish shopkeeper, the gipsy, and the blacksmith. The merry tales about them are identical with those common in whole Europe.

I regard my book as social-ethnological work. With my research work I intentionally base my considerations on the social strata of the villages and on the concept of the three-generation-culture.

All texts shown here are recorded in the phono-archive of the Austrian Academy of Sciences. The record-numbers are given in the annotations.

ZUSAMMENFASSUNG

Das ostösterreichische Burgenland entstand erst 1921 durch die Friedensverträge nach dem Ersten Weltkrieg aus den Teilen dreier Westungarischer Komitate. Dort leben neben der deutschsprachigen Mehrheit auch zwei Sprachminderheiten, nämlich die kroatische und die ungarische. In diesem Buch beschäftigen wir uns mit einer Gruppe der Ungarn, mit den ungarischsprachigen bäuerlichen Dorfbewohnern. Der Ausdruck „eine Gruppe“ wird deshalb betont, weil die burgenländischen Ungarn aus zwei sozialen Schichten zusammengesetzt sind: einerseits die hier erwähnte bäuerliche Gemeinschaft, andererseits jene Gutshofarbeiter, die auf den Großgrundbesitzungen lebten. Die charakteristische geistige traditionelle Kultur der Gutshofarbeiter unterscheidet sich von der Bauern. Hierzu wurde 1985 in Szombathely das in ungarischer und deutscher Sprache verfaßte Buch „Wer erbt das Jankerl? Über die Kommunikationsstruktur der Gutshofknechte im Burgenland“ vorgestellt.

In diesem Buch werden die in einer geschlossenen Dorfsiedlung lebenden ungarischen Kleinbauern behandelt. Sie stammen von jenen Bauernadeligen ab, die von den Arpadenkönigen als Grenzwächter angesiedelt wurden. Als Mitte des 19. Jahrhunderts ihre adeligen Rechte bedeutungslos wurden, sanken sie in die kleinbäuerliche Lebensform ab. Nach 1960 wurden die meisten Pendler – in erster Linie die Männer. Die ungarischsprachigen Bauern leben in Pinkatal, in den Ortschaften Oberwart, Unterwart, Siget in der Wart sowie nördlich dieses Gebietes in Ober- und Mitterpullendorf. Die Zahl der ungarischsprachigen Bauern ist auf etwa 5000 zu schätzen, die Zahl der ungarischsprachigen Bewohner insgesamt machte zirka 10 000 aus.

Wegen ihrer Besitzverhältnisse gerieten die Bewohner der ungarischsprachigen Bauerndörfer seit Mitte des 19. Jahrhunderts immer mehr in eine Art von Zwangskonservatismus, der sich auch in ihrer überlieferten Kultur klar zeigt. Ihre Wirtschaftslage – die unvorstellbar zerstückelten kleinen Grundbesitze und die dadurch entstandene Verarmung – machte eine technische Erneuerung ihrer Agrarkultur unmöglich. Vor allen in den Dörfern im Pinkatal blieb die ungarische Sprache in Form einer ungarischen Spracherneuerung erhalten. Auch die geistige Kultur wurde ausschließlich durch mündliche Tradierung weitergegeben.

Zwischen 1961 und 1965, also vier Jahre lang, führte ich in diesen Gemeinden ohne Unterbrechung eine eingehende ethnographische Forschung durch. Ich verwendete bei meinen Untersuchungen die monographische Methode, das heißt, ich untersuchte nicht Einzelercheinungen oder Erscheinungsgruppen, sondern die Ganzheit der Kultur. Parallel wurde die traditionelle Kultur der innerhalb dieser Kleinlandschaft lebenden Bevölkerung der deutsch- und kroatischsprachigen Bauerndörfer erfaßt. Ich war bereits während dieser Zeit davon überzeugt, daß man die traditionelle Kultur der einzelnen Sprachgruppen nur

im Vergleich erfassen kann, leben doch Angehörige verschiedener Sprachgruppen in einem Dorf. Der Sprachnationalismus ist in diesen Dörfern unbekannt. Hier sind unabhängig von der Muttersprache einheitliche kleinregionale Kulturen entstanden, die nur von jenen Forschern voneinander getrennt werden, die eine Sprachgruppe für sich untersuchen. Durch diese Zugangsweise wollte ich bewußt die Fehler der „Sprachinselforschung“ vermeiden. Die holistische monographische Methode ermöglichte es mir, die Abhängigkeit der Erscheinungsgruppen voneinander zu erkennen. Gleichzeitig bewies ich durch die Untersuchung der anderen Sprachgruppen, daß das historische Zusammenleben einen gegenseitigen Kulturaustausch bedingt, der auffallende Ähnlichkeiten zeigt. Die einseitige Betonung der Sprache als kulturbestimmende wäre daher ein großer Fehler. Innerhalb dieser Kleinregion wird dieselbe Regionalkultur in unterschiedlichen Muttersprachen ausgedrückt. Zwar sind kleine Unterschiede je nach Dorf immer vorhanden, doch gilt dies auch für gleichsprachige Gemeinschaften. Die Unterschiede hängen nicht mit einem sogenannten nationalen Erbe zusammen, sondern mit Innovationspersönlichkeiten (im allgemeinen Pfarrer, Lehrer), die in den Dörfern wirken.

Da vor mir niemand in dieser Landschaft fundierte volkskundliche Untersuchungen durchführte, sind meine Ergebnisse Primärstoff, belegt durch die etwa. 12 000 Fotoaufnahmen (meist Farbdias sowie schwarz/weiß Negative), die 12 000 Stunden Magnetophonaufnahmen und meine Aufzeichnungen. Aus diesem Stoff publizierte ich schon in früheren Jahren einige zusammenhängende Erscheinungsgruppen. So unter anderem schon 1965: „Angaben zu den abergläubischen Erzählungen aus dem südlichen Burgenland“. Den Stoff zu diesem Band lieferten mir meine Forschungen aus zwei ungarischsprachigen, zwei deutschsprachigen und zwei kroatischsprachigen Dörfern. Nach der Übersetzung des Materials war die Zuordnung zu einer Sprachgruppe nicht mehr möglich. 1966 erschien das Buch „Spinnstubenlieder“, in dem ich die Kommunikationsstruktur der aus dem Alltagsleben ausgeschiedenen alten Frauen untersuchte. In meinem, 1969 von der Österreichischen Akademie der Wissenschaften herausgegebenen Buch „Zum bäuerlichen Gerätebestand im 19. und 20. Jahrhundert“, untersuchte ich den agrarischen Gerätebestand der drei Sprachgruppen. Sogar innerhalb einer Großregion (zwischen Graz und Plattensee), so zeigen die Ergebnisse, entstanden Unterschiede nicht aufgrund der Muttersprache, sondern abhängig von den Bodenverhältnissen und den kultivierten Pflanzen.

Im vorliegenden Band faßte ich die Erzählkultur der Bewohner der ungarischsprachigen Bauerndörfer zusammen. Unter dem Begriff Erzählkultur verstehe ich nicht allein das Erzählte, sondern auch den unbedingt dazugehörenden Erzähler, die Erzählart, sowie die Beziehungen, die zwischen dem Erzähler und seinen Zuhörern entstehen. Dabei sind für mich jene Persönlichkeiten wichtig, die von ihrer Gemeinschaft als Erzähler anerkannt werden. Sowohl im Bereich der Kultur – bei Glaube, Brauchtum, Erzählen – als auch bei der Arbeit, fand ich in jeder Dorfgemeinschaft bestimmte soziale und geistige Schichten.

Es wäre ein Fehler zu glauben, daß das Erzählen von Märchen in einem Dorf allgemein üblich war. So ist es kein Zufall, daß während meiner mehrjährigen Forschungstätigkeit in den ungarischen Dörfern ausschließlich die Männer

ihren Erzählgemeinschaften Märchen erzählten. Sowohl die Zuhörer als auch die Erzähler gehörten immer zur niedrigsten Sozialschicht (pensionierte Arbeiter und Kleingewerbetreibende) oder zu jenen alten Leuten, die nicht mehr aktiv am dörflichen Alltag teilhatten. Das gilt auch für jene, die über ein großes Repertoire oder über große erzählerische Fähigkeiten verfügten. Aufgrund der ungeschriebenen Gesetze dieser Dörfer durfte kein Bauer erzählen; das wäre eine Schande gewesen („der ein Bauer ist, der hat ständige Arbeit, hat keine Zeit zu erzählen, herumzulügen“ erzählte man mir oft). In diesen Dörfern erzählten Frauen in Gesellschaft Erwachsener keine Märchen. Sie erzählten nur ihren Enkeln und nur sehr kurze Geschichten. In einem einzigen Dorf fand ich eine Märchenerzählerin, dafür erzählten dort aber die Männer nicht. Dieses Dorf ist das kroatischsprachige Stinatz (siehe: Gerhard Neweklowsky und Károly Gaál: „Totenklage und Erzählkultur in Stinatz“). Nur in drei Fällen fand ich Männer, die ausgesprochene Märchenerzähler waren, alle drei waren pensionierte Wanderarbeiter: Johann Ribarics in Mitterpullendorf, der in 56 Einheiten seinen ständigen Zuhörern, die ausschließlich seiner sozialen Schicht angehörten, 76 Märchen erzählte; Georg Felber aus Unterwart, Erzähler an den Arbeitsplätzen, fand keine Zuhörerschaft, als er in sein Geburtsdorf zurückkehrte, verlernte das Erzählen und wußte nur mehr Bruchstücke; Samuel Patthy bereiste als Wanderarbeiter die Länder der ehemaligen Monarchie. In seinem Heimatdorf, Siget in der Wart, war das Erzählen unbekannt. Er erzählte seinen Enkeln solange, bis diese das Fernsehen dem Großvater vorzogen. Eine eigene Erzählsituation entstand in den Werkstätten jener dörflichen Handwerker, die für den Alltagsgebrauch arbeiteten. Erzählungen verkürzten die Wartezeit. So gab es zum Beispiel noch 1961 einen Tischler, der nur Reparaturarbeiten durchführte. Er erzählte nie längere Märchen, sondern Schwänke und Glaubenssagen. Dieselbe Situation ergab sich auch in der Wassermühle, wohin – genauso wie zum Tischler – nur die Männer gingen. Vom Wasserstand abhängig mußten sie manchmal den ganzen Tag und eine Nacht auf ihr Mahlgut warten. Hier entstand eine Art Zwangskommunikation.

Die Mehrzahl der Märchen im vorliegenden Buch stammen von Männern, die Glaubenssagen von Frauen. Die Glaubenssagen bestehen aus zwei Gruppen. Sind die Glaubenserscheinungen noch ein aktiver Bestandteil des Alltags, nenne ich sie „geglaufter Glaube“. Andere fand ich in einem Übergangstadium: die Mitglieder der alten Generation glaubten noch daran, für ihre Kinder und Enkel bedeuteten sie aber nur mehr Erzählgut. Solche Unterschiede können nur durch ein Zusammenleben auf längere Zeit festgestellt werden. Dabei ist es unbedingt wichtig, eine Mehrgenerationen-Forschung durchzuführen, das heißt, die Mitglieder der einzelnen Generationen getrennt von den anderen zu befragen und zu beobachten.

Der geglaubte Glaube und die Glaubenssagen beziehen sich auf die bäuerliche Arbeitswelt oder die Gesundheit der Menschen. Wie bei den Gutshofarbeitern sind auch bei den Bauern die Glaubenserscheinungen nach der Lebensform zu gruppieren: Dabei gibt es solche, die ausschließlich mit dem Ackerbau, andere wieder mit dem Großvieh, Viehandel, Gemüsebau, Geflügel usw. in Zusammenhang stehen. Bei der Auswertung hat sich gezeigt, daß die Erscheinun-

gen je nach ihrer Zugehörigkeit zum weiblichen oder männlichen Lebensbereich den Geschlechtern zugeordnet werden müssen. So gehören die Einkommen aus Milch, Eiern und aus dem Gemüsegarten den Bäuerinnen, und eben deshalb leben alle damit zusammenhängenden Glaubenserscheinungen nur bei den Frauen. Auch Glaubenserscheinungen, die sich auf die Gesundheit bezogen gehörten zur Frauenwelt.

Ich fand zwischen den Glaubenswelten der bäuerlichen und denen der Gutshofgemeinschaften wesentliche Unterschiede, obwohl auch die Gutshöfe innerhalb einer bäuerlichen Landschaft liegen und die dort arbeitenden ihren Lebensunterhalt ebenfalls in der Landwirtschaft verdienen. Die Gutshofleute hatten weder Grundbesitz noch Großvieh. Sie waren Lohnarbeiter und ihr Lebensunterhalt war von ihren körperlichen Kräften abhängig. Dazu gehörte, daß sie gesund blieben. Sie wohnten samt der Familie im Meierhof. Ihre Frauen durften Kleinvieh und Schweine halten. Das Einkommen daraus gehörte der Frau. Bei diesen Frauen finden wir auch die dazugehörigen Glaubenserscheinungen. Die Glaubenswelt der Bauern und Gutshofleute wurde auf einer Tabelle zusammengestellt. Das hielt ich deshalb für wichtig, weil die Unterschiede im erzählten Stoff, aber auch nach dem Geschlecht der Erzählenden nachweisbar sind. Dabei habe ich die Glaubenssagen von den geglaubten Glaubenserscheinungen ebenso unterschieden wie die Herkunft der Erzähler von Gutshof oder Dorf sowie die Zugehörigkeit zur Glaubenswelt der Frauen oder zu der der Männer.

ZUORDNUNG DER GLAUBENSERSCHEINUNGEN

	G	GS	M	D	M	F
Luzienstuhl		+	+	+	+	
Drache		+	+	+	+	
Wolkenlenker	+		+	+	+	+
Fahrender Student		+	+	+	+	
Seher (= táltos)		+	+		+	+
Mit Zahn gebornes Kind	+		+	+		+
Neumondkind	+			+		+
Sonntagskind	+			+		+
Teufelsbänder		+	+	+	+	
Teufelsgeliebte		+	+	+		+
Teufel als brennender Besen	+		+	+	+	+
Brennender Schatz		+		+	+	
Straßenkreuzung		+	+	+	+	
Feuermann, Irrlicht		+		+	+	
Schratt'l-Kücken		+		+		+
Hausotter	+		+	+		+
Aussegnen	+		+	+		+
Drud	+		+	+		+
Wechselbalg	+		+	+		+
Verschauen (Mensch)	+		+	+		+
Kohlenwasser	+		+	+		+
Wasserguß	+			+		+
Wassernachgießen	+			+	+	+
Unruhige Seele	+		+	+		+
Irrlicht als Ingenieur		+		+	+	
Hexenbuch		+	+	+	+	+
Hexe wird geboren		+	+	+		+
Übergabe d. Hexenkenntnisse	+			+	+	+
Hexe als Frosch	+			+	+	+
Hexe als Katze	+			+	+	+
Birkenbesen gegen Hexe	+			+	+	+
Herbeirufen d. Hexe (Mensch)	+		+	+		+
Herbeirufen d. Hexe (Tier)	+			+	+	+
Milch über Rauch hängen	+			+		+
Geweihtes gegen Hexe	+			+		+
Binden (Mensch)	+		+	+		+
Binden (Tier)	+			+	+	+
Kuh – Verhexen	+			+	+	
Milch abmelken	+			+		+
Milchverbot am Abend	+			+		+
Eierverbot am Abend	+			+		+
Hexenhochzeit		+	+	+	+	+
Ochsen auf dem Baum		+		+	+	
Hexenkrapfen		+	+	+	+	+

	G	GS	MH	D	M	F
Besattelter Bursch		+	+	+	+	
Wirbelwind		+		+		+
Hund in der Nacht		+		+		+
Katze in der Nacht	+			+	+	+
Pferd in der Nacht		+		+		+
Pferd ohne Kiefer		+	+		+	
Mühle in der Nacht		+		+	+	
Nächtliches Waschen		+		+		+
Das Feuer spricht		+		+		+
Hexe als Gegenstand	+		+	+		+

G = Glaube

GS = Glaubenssage

MH = Meierhofbewohner

D = Dorfbewohner

M = Männer

F = Frauen

Wie bei den Märchen gab es auch bei den geglaubten Glaubenserscheinungen und bei den Glaubenssagen die anerkannten „Fachleute“. Obwohl die meisten Dorfbewohner die Glaubenserscheinungen kannten, nahmen sie nur von bestimmten Persönlichkeiten diesbezügliche Ratschläge an, auch in dem Glauben, daß sie nur so wirksam seien. Solche Persönlichkeiten waren die dörflichen Hebammen und die örtlichen Heilfrauen. Sie standen im Ruf der Hexerei und lebten im Dorf ziemlich zurückgezogen. Während sie selbst die Dorfbewohner nie besuchten, kamen die Frauen des Dorfes mit ihren Sorgen zu ihnen. Frau Maria Kaiman und Frau Roza Csulak aus Unterwart waren charakteristisch dafür. Sie kannten alle Glaubenserscheinungen der Frauenwelt und waren daher für die Frauen die wichtigsten Ratgeberinnen. Ebenso waren die männlichen Ratgeber für die männlichen Bereiche da, sie wurden als Hexer oder als Teufelsbrüder betrachtet.

Dieser Zusammenfassung lege ich auch das Inhaltsverzeichnis der hier aufgenommenen Erzählungen bei. Die Reihenfolge des Erzählgutes beweist, in welcher Mischung die unterschiedlichen Erzählgattungen vorkommen. Die hier angegebenen Titel stammen nicht von den Erzählern, sondern von mir und beziehen sich meist auf den Inhalt des Erzählten; im allgemeinen gaben die Erzähler ihren Erzählungen keine Titel.

In einem eigenen Kapitel bringe ich Angaben über den Tod einer Frau, die als Hexe betrachtet wurde. Dabei ist für uns wichtig, daß bei Konflikten zwischen Einzelpersonen und der Dorfgemeinschaft immer die Einzelperson der Verlierer war. Der Auswertung jener Erzählungen, deren Akteure nicht zur Dorfgemeinschaft gehörten, aber im Dorf lebten, ist ein eigenes Kapitel gewidmet. Das waren der Pfarrer, der Lehrer, der kleine jüdische Krämer, der Zigeuner und der Schmied. Die Schwänke über sie sind auch hier mit denen in ganz Europa verbreiteten identisch.

Ich betrachte mein Buch als soziaethnologische Arbeit. Ich gehe bei meinen Forschungen bewußt von der sozialen Schichtung der Dörfer und vom Konzept der Dreigenerationen-Kultur aus.

Alle hier gebrachten Texte sind im Phonogrammarchiv der Österreichischen Akademie der Wissenschaften archiviert. Die Archivnummern werden in den Anmerkungen angegeben.

TITELVERZEICHNIS

1. Der Teufel und seine neun Fragen
2. Die Räuber in der Totenkammer
3. Christus und Petrus auf Wanderschaft
4. Das Herz des Goldvogels
5. Der wahrhafte Knecht
6. Der Zigeuner als Anwalt
7. Wer früher Guten Morgen sagt
8. Wer schöner träumt
9. Steinberg und die Braut des Königs
10. Der Königssohn auf Brautschau
11. Der Feenkapitän
12. Königssohn Argirus
13. Die dreizehn Königssöhne
14. Die kluge Baurentochter
15. Die verstoßene Königin
16. Golo (Variante von Nr. 15.)
17. Die Bestrafung der geizigen Königin
18. Die Merkmale der Königstochter
19. Die drei Faulen
20. Kronprinz Rudolf
21. Was auch der Teufel nicht kann
22. Der kartenspielende Schafhirt
23. Der Sohn des Jägers
24. Die weiße Feder
25. Der Schneiderbursch im Spukschloß
26. Der Táltos (Zauberer) von Mitterpullendorf
27. Die Franzosen und der Müllerbursch
28. Die Zauberfiedel
29. Der wunderbare Wagen
30. Die Sprache der Tiere
31. Das Glück des ungeschickten Knaben
32. Der Schiffskapitän
33. Warum der Teufel keinen Husaren hat
34. Warum donnert der Himmel
35. Der Wirbelwind verrät den Mond
36. Däumling
37. Trompeter-János, der Held
38. Aschenbrödel
39. Durch zwei Seelen
40. Die Entstehung des Neusiedlersees
41. Der Eszterházi
42. Der Husar und die Heiligen
43. Als das Pferd des Husaren gestohlen wurde
44. Die drei guten Ratschläge
45. Der Kuhhirt und die drei Drachen
46. Die dankbaren Tiere
47. Die Brücke in die andere Welt
48. Der früher zornig wird

49. Die drei Brüder und der Teufel
50. Der Teufel soll dich holen
51. Die Räuber im Faß
52. Onkel Franz in der Hölle
53. Der starke Hans
54. Der Schmied und der Teufel
55. Der Husar aus dem Himmel
56. Der Meisterdieb
57. Mein Messer ist scharf, mein Brot kernig
58. Krieg zwischen wilden Tieren und Haustieren
59. Der Kantor trägt den Pfarrer
60. Warum die Juden keinen Messias haben
61. Der Schuster und der Kaminkehrer
62. Wer besser lügen kann
63. Das gute Geschäft
64. Rätselfrage: Wieviele Wildgänse gibt es
65. Löffelgießen
66. Der dumme Bursch
67. Der Schneider und der Teufel
68. Der Bauer und der Teufel beim Dreschen
69. Der Kampf um Sonne und Mond
70. Das naße Kücken
71. Ochsen auf dem Nußbaum
72. Der Nachtwächter und der Hexenkrapfen
73. Der Bursch fliegt nach Hause
74. Der Flug von Nyögér
75. Das Etwas mit vier Beinen
76. Der Feuermann
77. Das Geldbrennen
78. Tier als Nachtgespenst
79. Die Hexe im Friedhof
80. Straßenkreuzung
81. Der fahrende Student
82. Die Hausotter und das Kind
83. Der besattelte Schustergeselle
84. Wer hat ihn gedrückt
85. Onkel Dani und die Drückerin
86. Das Taschentuch und die Hexerei
87. Die Fetzenpuppe und die Hexerei
88. Der fahrende Student
89. Wenn die Hexe etwas ausborgen will
90. Der Herrgott heiratet
91. Der Zigeuner und der Kaffee
92. Wie der Zigeuner zählt
93. Diebstahl als Traum erzählt
94. Wie der Zigeuner betet
95. Wie der Zigeuner das Kreuzschlagen lernt
96. Wie man einen Zigeuner schlägt
97. Die zwei Wanderburschen
98. Das verhexte Haus
99. Verschauen
100. Der Wanderbursch und das Butterstoßen
101. Besen gegen die Hexe
102. Krapfen unter dem Nußbaum
103. Das Messer einer Hexe
104. Alpdruck

105. Das vergrabene Geld und der Bettler
106. Die verwunschene Schenke
107. König Matthias und der Müllergeselle
108. Kronprinz Rudolf
109. König Matthias und der Schulze
110. König Matthias und die Hauer
111. König Stefan der Heilige
112. Der erschlagene Tornister
113. Die zwei Kutscher
114. Józsi Savanyú
115. Feuer und Tier sprechen in der Weihnachtsnacht
116. Maifest am Palankrét
117. Wozu ist das Rauchen gut
118. Warum die Juden keinen Messias haben
119. Der Graf und seine Geliebte
120. Der Stier auf dem Kirchturmdach
121. Die geschonte Saat
122. Der Räuber und sein Soldatensohn
123. Die Strafe des nachlässigen Pfarrers
124. Der Kutscher und der Pfarrer in der Hölle
125. Der Wolkenlenker
126. Der deutsche Bursch macht den Hof
127. Die Entstehung des Neusiedlersees
128. Das Schlangenkind
129. Das Schratt'l-Kücken
130. Hausotter
131. Die Schlange frißt das Ferkel
132. Der diebische Schweinehirt
133. Schratt'l-Kücken
134. Zauberkreis in der Weihnachtsnacht
135. Der geizige Vater
136. Warum die Frauen das Kind ein Jahr lang tragen
137. Der Rübensäer
138. Petrus und die Musiker
139. Petrus und die Gans
140. Petrus und das Hufeisen
141. König Matthias und die Räuber
142. Schratt'l-Kücken
143. Vergrabener Schatz im Haus
144. Geldbrennen
145. Der fahrende Student
146. Hexengerede
147. Der Husar und die Katze. Die Ochsen auf dem Nußbaum
148. Die Übergabe der Hexenmacht
149. Der Kirchtag in Nyögér
150. Wirbelwind
151. Feuermann
152. Die Hexe
153. Der Schulze von Pinkafeld
154. Die Ochsen auf dem Nußbaum
155. Der Hexenkrapfen
156. Flug auf dem Ziegenbock
157. Der Frosch im Stall
158. Die schwarze Katze
159. Das Hexenbuch
160. Die zwei Schustergesellen

161. Das verhexte Spinnrad
162. Schratt'l-Kücken
163. Alpdruck
164. Wer ist eine Hexe
165. Der die Hexe bestohlen hat
166. Der erhitzte Jochnagel
167. Das verhexte Kalb
168. Schwarzer Hund in der Nacht
169. Das Gutmachen des Verhexten
170. Der Melkstuhl wird gemolken
171. Die Hexe auf dem Birnbaum
172. Der Kochlöffel wird gemolken
173. Verschauen
174. Die Hexe im Stall
175. Der deutsche Buchstabe
176. Das Kind, das dem Teufel verkauft wurde
177. Der Wirbelwind
178. Silvester
179. Hexenhochzeit
180. Die verhexte Kuh
181. Das Drücken
182. Die geräucherte Hexe
183. Der Magier von Vasvár
184. Übergabe der Hexenmacht
185. Hexenversammlung
186. Verhexen und gutmachen
187. Der verlängerte Steg
188. Der Nebel in Eisenzicken
189. Der Stier auf dem Kirchenturm
190. Spitzzicken
191. Der falsche Schwur
192. Hanyi Istók, der Wassermann im Neusiedlersee
193. Das Wassermädchen
194. Der früher zornig wird
195. Der Mann von Babocsa im Himmel
196. Himmel oder Hölle
197. Der siebenzackige Morgenstern
198. Die kleine Maus und das Wunderpferd
199. Der Zigeuner und die Viehseuche
200. Der Bauer, der Bär und der Fuchs
201. Das Kalb ist hin
202. Die Pfingsten und der Zigeuner
203. Die drei Burschen
204. Das Säckchen der Hexe
205. Butter aus dem Kopftuch
206. Zu Mitternacht wird im Bach gewaschen
207. Unruhige Seele
208. Trud, Aussegnen
209. Vergrabener Schatz
210. Wechselbalg
211. Der Unterhosenband als Zaubermittel
212. Verschauen
213. Melken in die Schürze
214. Verhexen
215. Hausotter
216. Die Hexe in Froschgestalt

217. Die menstruierende Frau schadet
218. Ein Fremde im Haus und das Kleinkind
219. Der Birkenbesen und die Hexe
220. Die Birke und die Hexe
221. Das ausgetauschte Kind
222. Der Hexentanz
223. Schratt'l-Kücken
224. Schwarze Pferde in der Nacht
225. Das gestohlene Ackerfeld
226. Der Birkenbaum
227. Der Feuermann
228. Das Verschauen
229. Der Feuermann
230. Der Wolkenlenker
231. Wetterläuten
232. Schratt'l-Kücken
233. Die unruhige Seele
234. Die Rache der Hexe
235. Die Katze in der Nacht
236. Die Hausotter
237. In der Nacht im Friedhof

РЕЗЮМЕ

В Бургенланде, находящемся на востоке Австрии, на территории, образованной из трех западновенгерских комитатов в 1921 г. в силу мирного договора, наряду с говорящим на немецком языке большинством живут две группы национального меньшинства: хорваты и венгры. Данная работа посвящена одной из групп венгерского национального меньшинства - крестьянскому населению деревень. Почему „одной из групп”? Потому что бургенландские венгры представлены двумя социальными слоями - уже вышеупомянутыми деревенскими крестьянами, а также работниками, живущими и работающими в латифундиях. Традиционную духовную культуру последней группы, во многом отличающуюся от культуры крестьян, мы продемонстрировали в книге, вышедшей в 1985 г. на венгерском и немецком языках под названием „Кому достанется маленькая бекеша? Данные по эпической культуре бургенландских батраков”.

Члены другого социального слоя, о котором идет речь в настоящей книге, венгерские мелкие крестьяне, живущие в закрытых сельских поселениях. Их предками были бедные дворяне, переселенные сюда королями из династии Арпадов для несения пограничной службы. Когда же в середине XIX в. их дворянские права перестали иметь какое бы то ни было значение, их жизненный уклад уже ни в чем не отличался от уклада мелких крестьян. Их большая часть - в особенности, мужчины - после 1960 г. стали рабочими, работающими не по месту жительства. В долине Пинка находится Фелшёёр (Oberwart), Алшоёр (Untervart) и Ёрисигет (Siget in der Wart), к северу от которого лежат Фелшё- и Кёзейппуйа (Ober- und Mittelpullendorf), после объединения последних двух поселений деревня получила название Фелшёпуйа. Число жителей деревень не превышает 5000 человек, тогда как число жителей венгерских усадеб примерно 10 000.

Жителям венгерских сельских поселений с середины XIX в. из-за неблагоприятного для них распределения земель становилось все труднее зарабатывать себе на жизнь, что очень ясно отразилось в их традиционной культуре. Их экономическое положение, дробление их крошечных угодий и вызванное этим обнищание сделали невозможным для них техническое обновление сельскохозяйственного сектора и развитие аграрных культур. В этих деревнях, в первую очередь, лежащих в долине Пинка, венгерский язык сохранился лишь в одной форме, практически в той, в которой он существовал до эпохи обновления венгерского языка. Их духовная культура складывалась исключительно в ходе устной передачи традиций.

С 1961 по 1965 гг., то есть в течение четырех лет, я проводил в этих поселениях непрерывные этнографические исследования.

Применяемый здесь метод был так называемым „монографическим методом”. Это означает, что я стремился проанализировать не отдельные

явления и не отдельные группы явлений, а всю культуру в целом. Параллельно с венгерскими поселениями и исследовал традиционную культуру немецких и хорватских сельских поселений, находящихся на той же территории. Я был в полной уверенности уже и тогда, что для того чтобы получить результаты, отражающие действительность, необходимо рассматривать культуру языковых групп, ограниченных рамками отдельных поселений, сопоставляя ее с культурой других языковых групп того же края. Языковой национализм – понятие, незнакомое в этих поселениях; независимо от родного языка наряду с культурой целой деревни формировались культуры отдельных дворов или части деревни, которые стремятся выделять исследователи, занимающиеся определенной языковой группой. Я сознательно пытался устранить ошибки т. наз. „Sprachinselforschung”. Благодаря применению холистического монографического метода мне удалось понять зависимость групп явлений друг от друга. Анализ же нескольких языковых групп представил доказательства, что в процессе многовекового сожительства нескольких языковых групп возникает взаимообмен культур и одностороннее выделение только языковой культуры было бы ошибочным. В пределах части деревни или одного или нескольких дворов культуру данного края выражают на различных языках. Но и среди общностей, говорящих на одном языке и живущих в разных деревнях одного края есть незначительные различия, которые связаны не с т. наз. национальным наследием, а с представителями деревенской интеллигенции, играющей огромную роль в пределах своей деревни (обычно поп и учитель).

Ввиду того, что до меня на данной территории не проводились развернутые исследования, мои результаты открывают „новую страницу” в этой области. Представленный мною наглядный материал – около 12 000 фотоснимков (черно-белые негативы, большинство – цветные диапозитивы), магнитофонные записи на 12 000 часов и огромное количество путевых заметок. Кое-что из этого материала я уже опубликовал. Так, например моя работа „Angaben zu den abergläubischen Erzählungen aus dem südlichen Burgenland”. Данные по поверьям Южного Бургенланда) вышла в свет уже в 1965 г. В этой работе были подвергнуты исследованию две венгерские, две немецкие и две хорватские деревни. Когда я перевел эти данные на один язык, было невозможно установить различия между языковыми группами. В 1966 г. была опубликована еще одна моя работа „Spinnstubenlieder” (Песни прядильщиц), в которой я исследовал коммуникативную культуру пожилых женщин, уже не принимавших участие в повседневном труде. Академия наук Австрии (Österreichische Akademie der Wissenschaften) издала в 1969 г. „Zum bauerlichen Gerätebestand im 19. und 20. Jahrhundert” (Средства труда крестьян в XIX и XX вв.), в которой я исследовал сельскохозяйственные орудия 3 языковых групп. Результаты доказали, что различия обуславливаются не языками, а типом почвы и возможностями выращивать те или иные сельскохозяйственные культуры.

В данной книге я обобщил культуру повествования венгерского деревенского крестьянства. Под понятием „культура повествования” я пони-

маю не только само повествование, не только различные его виды, но и рассказчика, без которого оно было бы невозможным, манеры повествования, взаимоотношения, возникающие между рассказчиком и его слушателями. Для меня исключительно важна та личность, которую жители считают рассказчиком. В любой деревенской общности можно найти определенное общественное и духовное расслоение. Оно затрагивает точно так же отдельные области культуры и труд, как и обычаи, верования и повествование.

Было бы ошибочным думать, что повествование, рассказ сказок были общепринятыми в деревне. Не случаен тот факт, что на протяжении моего многолетнего исследования перед аудиторией в роли рассказчика выступали исключительно только мужчины. И слушатели сказок, и сказители были всегда представлены или людьми низкого происхождения (престарелые рабочие, ремесленники-пенсионеры), или стариками, которые уже не жили буднями деревни. Ни один здоровый, занимающийся трудом крестьянин не был рассказчиком, даже крестьяне с большим репертуаром сказок или обладающие хорошими способностями к повествованию, не рассказывали сказок. По неписанным законам деревни нельзя было повествовать, это было бы позором. („У крестьянина всегда полно работы, у него и времени-то нет на сказки, на такую чепуху”, – говорили в открытую). Женщины в этих деревнях не рассказывали сказок перед аудиторией взрослых, только внучатам, да и то – только отдельные фрагменты. Женщин-сказительниц я нашел только в одной единственной деревне. Интересно отметить, что в этой деревне мужчины не выступали в качестве рассказчиков. Это хорватская деревня Stinatz (См. Gaal–Neweklowksy: Erzählgut der Kroaten in Stinatz. Wien, 1983.)

Я встретил только трех мужчин, занимавшихся исключительно только рассказыванием сказок. Все они были бродячими рабочими-пенсионерами: Янош Рибарич из Кёзейпуйи, в репертуаре которого было 76 сказок. Эти сказки он рассказывал ежедневно слушателям из различных деревень, обошел 56 деревень. Его слушатели все без исключения относились к тому же общественному слою, что и он. Дьёрдь Фелбер, пенсионер, кустарь-одиночка рассказывал тогда, когда люди работали. Когда же он вернулся в свою родную деревню, ему не удалось обрести слушателей и постепенно он мог рассказывать только фрагменты сказок. Шамуел Патти, также будучи бродячим рабочим, обошел многие страны бывшей монархии. В своей родной деревне (Ёрисигет), где рассказ сказок был практически неведом, он рассказывал своим внукам, но и те в скором времени с большим удовольствием обращались к телевизору, а не к дедушке.

Особая ситуация повествования сложилась в мастерских таких деревенских ремесленников, к помощи которых обращались ежедневно. Так, например, еще в 1961 г. столяр, занимавшийся только ремонтными работами, никогда не рассказывал длинных сказок, только шутки и поверья. То же самое наблюдалось и на речной мельнице, куда – также как и к столяру – шли только одни мужчины. Иногда не было воды, и приходилось ждать целый день, а то и всю ночь. Складывалась вынужденная коммуникация.

Подавляющее большинство сказок, напечатанных в данной книге, было услышано от мужчин, а поверий – от женщин. Во время моих исследований существовало огромное количество суеверий, некоторые из которых находились в т. наз. переходной стадии, т. е. жили у старшего поколения, тогда как дети и внуки воспринимали их как материал для рассказов. Чтобы это заметить, необходимо долгие годы жить вместе с жителями этих деревень и исследовать несколько поколений на материале их отдельных предстателей, вычлененных в отдельные группы.

Суеверия и поверья неразрывно связаны с трудом и здоровым крестьянином. Суеверия и поверья, связанные с трудом, можно распределить на несколько групп: одни исключительно относятся к пашне, другие – к крупному рогатому скоту, торговле животными, садовым овощам, домашней птице и т. д. Задачи, выполняемые мужчинами и женщинами разные, так и некоторые поверья и суеверия живут только в кругу мужчин, а некоторые – женщин. Так, например, женщины получали доход с молока, яиц, овощей, поэтому и верования, связанные с этим, бытовали у них (также как и те, которые были направлены на предохранение от болезней).

Как я уже упоминал выше, я исследовал и культуру усадеб. Несмотря на то, что и усадьбы относятся к крестьянскому краю и их жители также занимаются земледелием, мне удалось обнаружить существенные различия в верованиях крестьян и жителей усадеб. У жителей усадеб не было своей земли, они владели лишь незначительным поголовием скота. Будучи наемными рабочими, их существование зависело в первую очередь от их физических сил, т. е. здоровья. Они жили со своими семьями на территории усадьбы; их жены держали домашнюю птицу и свиней, с которых получали доход. Итак, можно найти связанные с ними верования.

Таблица отражает распределение видов поверий крестьян и жителей усадеб. Я считал важным поместить в эту книгу данную таблицу, в которой я разграничил понятие поверья от суеверия, а также указал, где они бытуют: в деревнях или в усадьбах, в кругу женщин или мужчин. Для большей доступности таблица дается в качестве приложения к резюме.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВИДОВ ВЕРОВАНИЙ

	С	П	У	Д	М	Ж
Луцин стул		+	+	+	+	
Дракон		+	+	+	+	
Правящий облаками	+		+	+	+	+
Чернокнижник		+	+	+	+	
Талтош		+	+		+	+
Ребенок, родившийся с зубами	+		+	+		+
Ребенок, родившийся в новолуние	+			+		+
Воскресный ребенок	+			+		+
Колдуны		+	+	+	+	
Лудверц		+	+	+		+
Лидерп	+		+	+	+	+
Зарытый клад		+		+	+	
Перепутье		+	+	+	+	
Огненный человек		+		+	+	
Цыпленок Шратли		+		+		+
Домашняя змея	+		+	+		+
Церковное освящение матери после родов	+		+	+		+
Ночной кошмар	+		+	+		+
Подмененный ребенок	+		+	+		+
Сглаз	+		+	+		+
Вода с углем	+		+	+		+
Выливание (передача болезни)	+			+		+
Повторное выливание (преложхранение)	+			+	+	+
Мертвец, ходящий домой	+		+	+		+
Блуждающий инженер		+		+	+	
Ведьмина книга		+	+	+	+	+
Рожденная ведьмой		+	+	+		+
Передача колдовских чар	+			+	+	+
Ведьма в образе лягушки	+			+	+	+
Ведьма в образе кошки	+			+	+	+
Береза против ведьмы	+			+	+	+
Зов ведьмы (у человека)	+		+	+		+
Зов ведьмы (у животного)	+			+	+	+
Окуривание молока	+			+		+
Освящение против ведьмы	+			+		+
Завязывание (человек)	+		+	+		+
Завязывание (животное)	+			+	+	+
Порча коровы	+			+	+	
Исчезновение молока	+			+		+
Запрет на вечернее молоко	+			+		+
Запрет на вечерние яйца	+			+		+
Шабаш ведьм		+	+	+	+	+
Волы на дереве		+		+	+	
Ведьмин пончик		+	+	+	+	+

	С	П	У	Д	М	Ж
Оседланные		+	+	+	+	
Вихрь		+		+		+
Собака ночью		+		+		+
Кошка ночью	+			+	+	+
Конь ночью		+		+		+
Конь без челюсти		+	+		+	
Конь без челюсти		+		+	+	
Мельница ночью		+		+		+
Огонь разговаривает		+		+		+
Ведьма как объект	+		+	+		+

С = суеверие

П = поверье

У = жители усадьбы

Д = жители деревни

М = мужчины

Ж = женщины

Наряду с признанными сказочниками существовали мастера-повествователи поверий и суеверий. С суевериями были знакомы практически все, но только советы определенных лиц признавались эффективными. Такими были деревенские баба-повитуха и знахарка. Считалось, что они вступили в союз с нечистой силой, жили они в некоторой степени уединившись от жителей деревни, к которым не ходили в гости. Однако, если у какой-либо женщины возникали проблемы, она обращалась к ним. Мария Калман из Ёрисигета и Роза Чулак из Алшоёра – были их типичными представителями. Они знали все суеверия женского мира и были самыми главными женскими советчицами. Точно также были советники и у мужчин, которых считали колдунами, ведунами.

В качестве приложения к резюме дается содержание материала, публикуемого в данной книге. Последовательность рассказов подтверждает, как смешанно встречаются различные жанры. Названия рассказов были даны не сказителями, а мною. В среде рассказчиков не было принято озаглавливать исполняемые ими фрагменты.

АНТОЛОГИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

1. Черт и гусар
2. Разбойники в мертвецкой
3. Христос и Петр странствуют
4. Сердце золотой птицы
5. Златошерстая овца
6. Когда цыган стал адвокатом
7. Цыган и школа
8. Кому лучшее снится
9. Штейнберг
10. Принц сватается
11. Капитан-волшебник
12. Принц Аргируш
13. Тринадцать принцев
14. Король Матяш странствует
15. Изгнанная королева
16. Голо (краткий вариант № 15)
17. Королева расплачивается за свою скупость
18. Родимые пятна королевы
19. Три лентяя
20. Наследный принц Рудольф
21. Чего не знает и черт
22. Пастух-картежник
23. Сын охотника
24. Белое перо
25. Портной и огненный бык
26. Талгош из Кёзейпуйи
27. Французы и мельник
28. Волшебная скрипка
29. Чудесная повозка
30. Говорящие животные
31. Счастье нерадивого мальчика
32. Капитан корабля
33. Почему нет гусара в раю?
34. Почему гремит гром?
35. Вихрь раскроет тайну
36. Мальчик с пальчик
37. Трубач Янош
38. Золушка
39. Через две души
40. Происхождение озера Ферте
41. Эстерхази
42. Гусар и святые
43. Когда украли гусарского коня
44. Три совета
45. Бедный пастух стал королем
46. Благодарные животные
47. Мост, ведущий на тот свет
48. Кто скорее разозлится

49. Три брата и черт
50. Черт побери
51. Разбойники в бочке
52. Дядя Ферко в аду
53. Сильный Янош
54. Кузнец и черт
55. Из Финляндии, из рая
56. Вор-мастер
57. Мой нож острый, мой хлеб слоенный
58. Дикие и домашние животные
59. Кантор уносит попа
60. Почему у евреев нет Мессии
61. Сапожник и трубочист
62. Кто может лучше соврать?
63. Хорошая сделка
64. Отливание ложки
65. Глупый юноша
66. Партной и черт
67. Маленький Миклош
68. Черт и молотба
69. Ципленок Пуздораш
70. Волю на ореховом дереве
71. Ночной сторож и ведьмин пончик
72. Юноша летит домой
73. Нёгерский полет
74. Что-то на четырех ногах
75. Огненный человек
76. Сжигание денег
77. Зверь ночью
78. Ведьма на кладбище
79. Перепутье
80. Чернокнижник
81. Домашняя змея и девочка
82. Сапожник и кошка
83. Кто душил?
84. Дядю Дани давили кошмары
85. Колдовство на носовом платке
86. Тряпочная кукла и колдовство
87. Шаркандия
88. Если ведьма что-то просит взаимы
89. Когда Господь бог женится
90. Цыган и кофе
91. Как считает цыган?
92. Цыган и кантор
93. Как молится цыган?
94. Цыган и крестное знамение
95. Как бьют цыгана?
96. Два странствующихся юноши
97. Заколдованный дом
98. Сглаз
99. Странствующий юноша и сбивка масла
100. Метла против ведьмы
101. Масленичный пончик под ореховым деревом
102. Ведьмин нож
103. Ночной кошмар
104. Зарытые деньги и нищий

105. Заколдованный трактир
106. Король Матяш и мельник
107. Наследный принц Рудольф
108. Король Матяш и судья
109. Король Матяш и копатели
110. Святой Иштван
111. Побитая котомка
112. Два кучера и заколдованный круг
113. Йожки Шаванью
114. Огонь и животное разговаривают в рождественскую ночь
115. Майский пикник в Паланкрет
116. Чем хорошо курение?
117. Сапожник Вербёци и Мессия евреев
118. Граф и его любимая
119. Алшоёрский бык
120. Бык в пшенице
121. Отец-вор и сын-солдат
122. Наказание нерадивого попа
123. Извозчик и поп в аду
124. Правящий облаками
125. Немецкий юноша ухаживает
126. Происхождение озера Фертё
127. Маленькая змея
128. Шратли
129. Домашняя змея
130. Змея, ворующая поросят
131. Вор-свинопас
132. Шратли
133. Заколдованный круг накануне рождества
134. Скупой человек
135. Почему женщины вынашивают детей год?
136. Сеятель свеклы
137. Петер и музыканты
138. Петер и гуси
139. Петер и черешня
140. Король Матяш и разбойники
141. Шратли
142. Клад, зарытый в доме
143. Сжигание денег
144. Чернокнижник
145. Разговор ведьм
146. а) Гусар и кошка б) Волы на ореховом дереве
147. Передача колдовских чар
148. Нёгерское прощание
149. Вихрь
150. Огненный человек
151. Ведьма
152. Судья из Пинкафё
153. Волы на ореховом дереве
154. Ведьмин пончик
155. Полет на козле
156. Лягушка в конюшне
157. Черная кошка
158. Ведьмина книга
159. Два юноши-сапожника
160. Колесо прялки

161. Цыпленок Шратли
162. Ночной кошмар
163. Кто ведьма?
164. Кто украл ведьму
165. Гвоздь огненного ярма
166. Порча теленка
167. Черная собака ночью
168. Обезвреживание от порчи
169. Доят дойную скамеечку
170. Ведьма на груше
171. Доение столовой ложки
172. Сглаз
173. Ведьма в конюшне
174. Немецкая буква
175. Ребенок, проданный черту
176. Вихрь
177. Сильвестр
178. Ведьмина свадьба
179. Порченная корова
180. Кошмар
181. Окуренная ведьма
182. Вашварский колдун
183. Передача колдовских чар
184. Шабаш ведьм
185. Порча, обезвреживание
186. Зажженный мостик
187. Жители Циклена
188. Жители Кетхя
189. Валахский юноша
190. Ложная клятва
191. Ишток Хани
192. Русалка
193. Кто скорее разозлится
194. Человек из Бабочи в раю
195. Рай или ад?
196. Семи конечная булава
197. Мышка и крылатый конь
198. Цыган и падеж рогатого скота
199. Крестьянин, медведь и лиса
200. Сдох теленочек
201. Троицын день и цыган
202. Три юноши
203. Ведьмин мешок
204. Масло на платке
205. В полночь стирают в ручье
206. Привидение
207. Труд, церковное освящение матери после родов
208. Зарытый клад
209. Подмененный ребенок
210. Тесемка на подштанниках как волшебное средство
211. Сглаз
212. Доение в Фартук
213. Порча
214. Домашняя змея
215. Ведьма в образе лягушки
216. Менструирующая вредит

- 217. Чужой и маленький ребенок
- 218. Березовый веник и ведьма
- 219. Береза и ведьма
- 220. Подмененный ребенок
- 221. Танец ведьм
- 222. Цыпленок Шратли
- 223. Черные лошади ночью
- 224. Отпаханная межа
- 225. Береза
- 226. Огненный человек
- 227. Сглаз
- 228. Огненный человек
- 229. Правящий облаками
- 230. Колокольный звон против бури
- 231. Шратли
- 232. Привидение
- 233. Месть ведьмы
- 234. Кошка ночью
- 235. Домашняя змея
- 236. В полночь на кладбище

В качестве отдельной главы я публикую данные, связанные со смертью одной женщины, считавшейся ведьмой. Эти данные наглядно продемонстрировали, что в конфликте между личностью и обществом всегда остается в проигрыше отдельная личность. Также в отдельной главе помещен анализ текстов таких рассказов, главные герои которых не относятся к крестьянскому обществу, но живут в деревне или жили там раньше (несколько десятилетий тому назад). Это поп, учитель, лавочник-еврей и скотобоец.

Мой труд является этнографическим исследованием, для которого я сознательно выбрал деревенское общество и проанализировал его культуру у трех поколений.

Все тексты, публикуемые здесь, зафиксированы в Архиве фонограмм при Академии наук Австрии; в примечаниях указываются номера, под которыми они числятся в архиве.